

Научная статья
УДК 811.161.1'04
doi: 10.17223/19996195/73/3

Действительные причастия настоящего времени от глагольных основ совершенного вида в истории русского языка

Борис Всеволодович Кунавин¹

¹ *Северо-Осетинский государственный университет, Владикавказ, Россия,
vladraikun@mail.ru*

Аннотация. Предметом исследования послужила динамика причастных форм настоящего времени действительного залога от глагольных основ совершенного вида в истории русского языка. Актуальность статьи обусловлена обострившимся вниманием исследователей к проблеме причастий в форме настоящего времени действительного залога от основ совершенного вида в современной русской речи. Одни лингвисты считают их употребление ошибками, другие полагают, что они, хотя и не соответствуют литературной норме, но не являются речевыми ошибками, а свидетельствуют об отражении динамизма языковой системы. Указанная проблема может быть решена только с учетом исследования данных образований на протяжении всей истории русского языка.

Цель статьи – выявить динамику функционирования во все периоды истории русского языка действительных причастий настоящего времени от глагольных основ совершенного и проследить особенности выражения ими временного значения с учетом становления категории вида в древнерусском языке; определить причины экспансии их именных форм в XVI–XVII вв. и снижения активности использования в последующем; выяснить, почему местоименные причастия, единично употреблявшиеся в древнерусском языке, не получили развития в дальнейшем. В качестве основных методов исследования использовались метод внутрисистемного и межсистемного сравнения, трансформационный метод, сопоставительный метод.

На основе проделанной работы установлено, что во все периоды истории русского языка именные и местоименные причастия настоящего времени действительного залога образовывались от глагольных основ несовершенного вида. Именные причастия настоящего времени от глагольных основ совершенного вида в древнерусском языке до XV в. употреблялись единично, в XVI–XVII вв. происходит их бурная экспансия, обусловленная их вовлечением в сферу действия категории вида и вытеснением категории времени. К XIX в. их употребление сильно сокращается, и в настоящее время многие из них являются не соответствующими современной норме. Выявлено, что местоименные формы действительных причастий от глагольных основ совершенного вида во все периоды истории языка употреблялись единично. Так же единично они используются и в современной русской речи, представляя собой отклонение от существующей языковой нормы. Доказано, что редкое употребление полных форм действительных причастий настоящего времени от глагольных основ совершенного вида в современной русской речи отнюдь не свидетельствует о тенденции к заполнению «временной лакуны причастий» и о востребованности в качестве средства «сворачивания» текста.

Ключевые слова: причастие, совершенный вид, несовершенный вид, действительный залог, непредикативность, сочинительный союз, инфинитив, маркированная форма причастия

Для цитирования: Кунавин Б.В. Действительные причастия настоящего времени от глагольных основ совершенного вида в истории русского языка // Язык и культура. 2026. № 73. С. 47–66. doi: 10.17223/19996195/73/3

Original article

doi: 10.17223/19996195/73/3

Present active participles from perfective verb stems in the history of the Russian language

Boris V. Kunavin¹

¹ *North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia, vladraikun@mail.ru*

Abstract. The subject of the study is the dynamics of participial forms of the present tense active voice from perfective verb stems in the history of the Russian language. The relevance of the article is due to the increased attention of researchers to the problem of participles in the form of the present tense active voice from perfective stems in modern Russian speech. Some linguists consider their use to be mistakes, others believe that although they do not correspond to the literary norm, they are not speech errors, but indicate a reflection of the dynamism of the language system. This problem can be solved only taking into account the study of these formations throughout the history of the Russian language.

The purpose of the article is to identify the dynamics of the functioning of active participles of the present tense from perfective verb stems in all periods of the history of the Russian language and to trace the features of their expression of temporal meaning, taking into account the formation of the category of aspect in the Old Russian language; to determine the reasons for the expansion of their nominal forms in the 16th–17th centuries and a decrease in the activity of use subsequently; to find out why pronominal participles, which were used singly in Old Russian, did not develop further. The main research methods used were the method of intrasystem and intersystem comparison, the transformation method, and the comparative method.

Based on the work done, it was established that in all periods of the history of the Russian language, nominal and pronominal participles of the present tense of the active voice were formed from imperfective verb stems. Nominal participles of the present tense from perfective verb stems were used singly in Old Russian until the 15th century, and in the 16th–17th centuries they experienced a rapid expansion due to their involvement in the scope of the aspect category and the displacement of the time category. By the 19th century, their use was greatly reduced, and at present many of them do not correspond to the modern norm. It was revealed that pronominal forms of active participles from perfective verb stems were used singly in all periods of the history of the language. They are also used sporadically in modern Russian speech, representing a deviation from the existing language norm. It has been proven that the rare use of full forms of active present participles from perfective verb stems in modern Russian speech does not at all indicate a tendency to fill the “temporal gap of participles” and their demand as a means of “folding” the text.

Keywords: participle, perfective aspect, imperfective aspect, active voice, imprecisativeness, coordinating conjunction, infinitive, marked form of participle

For citation: Kunavin B.V. Active present participles from perfective verb stems in the history of the Russian language. *Language and Culture*, 2026, 73, pp. 47–66. doi: 10.17223/19996195/73/3

Введение

В последние десятилетия обострилось внимание исследователей к так называемым причастиям будущего времени в современной русской речи. Как известно, в современном русском языке причастия имеют только формы настоящего и прошедшего времени.

От глагольных основ несовершенного вида образуются как причастия настоящего, так и прошедшего времени, а от основ совершенного вида – только причастия прошедшего времени.

Однако в современной русской речи изредка встречаются причастные формы настоящего времени, образованные от глагольных основ совершенного вида и имеющие значение будущего времени. В научной лингвистической литературе отношение к подобным причастным формам весьма противоречиво. Одни исследователи считают их не чем иным, как ошибками, отступлениями от нормы, другие полагают, что они не являются речевыми ошибками, а отражают динамизм языковой системы. Такие диаметрально противоположные суждения относительно указанных форм обусловили актуальность настоящей статьи.

Представляется, что разрешить указанные противоречия можно лишь при условии рассмотрения данных образований на протяжении всей истории русского языка.

Предметом исследования послужила динамика причастных форм настоящего времени действительного залога от глагольных основ совершенного вида в истории русского языка.

Цель статьи – выявить динамику функционирования во все периоды истории русского языка действительных причастий настоящего времени от глагольных основ совершенного и проследить особенности выражения ими временного значения с учетом становления категории вида в древнерусском языке; определить причины экспансии их именных форм в XVI–XVII вв. и снижения активности использования в последующем; выяснить, почему местоименные причастия, единично употребившиеся в древнерусском языке, не получили развития в дальнейшем.

В качестве материала исследования использовалась личная картотека автора с фрагментами текста с причастными формами настоящего времени от глагольных основ совершенного вида, извлеченными методом сплошной выборки из разнообразных произведений, относящихся к XI–XVII вв. Всего было проанализировано более 100 произведений древнерусской литературы самых различных жанров и стилей (летописи, жития, патерики, поучения, наставления, послания, челобитные, слова, письма, апокрифы, сказания, легенды и др.), среди которых такие,

как «Лаврентьевская летопись», «Галицко-Волынская летопись», «Ипатьевская летопись», «Житие Феодосия Печерского», «Житие Александра Невского», «Житие Сергия Радонежского», «Домострой», «Послания Ивана Грозного», письма Андрея Курбского, сочинения Аввакума, «Слово о полку Игореве», «Повесть о Савве Грудцыне», сочинения Григория Котошихина и др. Всего было выписано 350 конструкций с причастиями действительного залога настоящего времени совершенного вида.

Проблеме причастий действительного залога настоящего времени от глагольных совершенного вида посвящена определенная литература. Н.П. Колесников [1], В.Д. Пятницкий [2] причастия в форме настоящего времени от глагольных основ совершенного вида в современном русском языке считают ошибками, недопустимыми «аномалиями», «стразами» в русском формообразовании.

Так, В.П. Колесников, анализируя в выписанных из различных газет предложениях указанные формы («Он упустил из виду обстоятельства, в будущем *помешающих* ему»; «Окончательно определен состав 12 команд, *разыграющих* между собой звание чемпиона»), образно называет их «языковыми стразами», под которыми понимает «различного рода недостатки, портящие русскую речь, отрицательно влияющие на нее, сбивающие с толку читателя» [1].

Так же и В.Д. Пятницкий квалифицирует причастия действительного залога в форме настоящего времени от глагольных основ совершенного вида как ошибки. Ср.: «Вот они, кусты, на которых незаметно растут плоды, *порадующие* [вм. *которые порадут*] нас в августе (Комс. правда)» [2].

Однако Н.Е. Петрова, ссылаясь на суждения М.Я. Гловинской и В.А. Корнилова, усматривает в данном явлении «явно наметившуюся тенденцию к заполнению временной лакуны причастий путем окказионального образования форм действительного залога с суффиксами настоящего времени от основ совершенного вида: *открывающийся, взволновующие, требующийся, полетящий, предъявляющий, замечающий, пожелавший* и под.» [3. С. 77]. Такие формы, по мнению автора, «выражают значение времени подобно “классическим” личным формам глаголов...» [3. С. 78]. В отличие от утверждений относительно данных причастных форм В.П. Колесникова и В.Д. Пятницкого Н.Е. Петрова не считает их просто речевыми ошибками, а вполне системным, хотя и неузвальным явлением [3. С. 77]. Именно подобный разноречивый подход к указанным формам причастий обусловил актуальность данного исследования.

Противоречивое толкование указанных причастных образований ярко свидетельствует о том, что их существование не может быть объяснено привлечением лишь данных современного русского языка без соотвествующей ретрогностики.

Описательная грамматика не может полностью освободиться от элементов истории языка. Хотя Фердинанд де Соссюр установил строгую границу между синхронией и диахронией, на практике все выглядит значительно сложнее: нередко невозможно без учета исторических процессов адекватно осмыслить и объяснить трансформации, осуществляющиеся в грамматической системе языка на всех этапах ее развития. Именно учет исторических изменений, происходящих в языке, позволяет преодолеть ограниченность структурного метода. Только рассмотрение указанных форм на всем протяжении истории русского языка может дать адекватный ответ относительно того, следует ли считать местоименные действительные причастия от глагольных основ совершенного вида в современном русском языке недопустимыми аномалиями или соответствующим системе языка явлением.

Методология исследования

Основным методологическим положением в данной статье является принцип историзма, согласно которому прошлое проникает в настоящее и настоящее не может быть объяснено без взглядов в прошлое. Именно следование принципу историзма требует различения живого и мертвого в языке, продуктивного и непродуктивного. Реализация выдвинутого методологического положения обусловила применение в процессе исследования комплексной методики, направленной на разносторонний анализ изучаемых языковых единиц с целью достижения надежности и достоверности полученных результатов.

Метод внутриязыкового сопоставления использовался при сравнении как именных, так и местоименных форм причастий от глагольных основ совершенного вида с конкурирующими с ними глагольными формами. Так, сравнение форм совершенного вида типа *покиня-покинувъ* позволило выявить их полное функциональное тождество, которое привело к устранению новых форм типа *покиня* и закреплению традиционных форм типа *покинувъ*. Редкое употребление форм деепричастий *подойдя, придя, принеся* и т.п. обусловлено фонетическими, а не морфологическими причинами. Также посредством данного метода было выявлено функциональное тождество между конструкциями с местоименными действительными причастиями настоящего времени от глагольных основ совершенного вида и соответствующими оборотами с личными формами глагола будущего времени. При этом было установлено, что синтаксические построения с *verbum finitum* представляют собой системное явление, вступая в оппозицию с формами настоящего и прошедшего времени, в то время как действительные причастия будущего времени оказались асистемными, поскольку исконно не были свойственны русскому языку и их необычайно редкое образование и употребление

было обусловлено развитием категории вида и логическим параллелизмом со стороны спрягаемых глагольных форм.

Метод внутрисистемного сопоставления органически дополнялся структурным методом, учитывающим взаимосвязь и взаимодействие анализируемых причастных форм и помогающим установить причины распространения одних форм причастий и устранение других. Посредством данного метода было установлено, что полные формы действительных причастий настоящего времени противопоставлены соответствующим формам прошедшего времени. Обеим формам причастий свойственно выражение как относительного, так и абсолютного времени. Причастия в форме презенса образуются от основы настоящего времени и при выражении относительного времени обычно обозначают действие, одновременное с действием глагольного сказуемого, а причастия прошедшего времени образуются от основы прошедшего времени и обозначают действие, предшествующее действию главного сказуемого. Подобная оппозиция форм причастий действительного залога настоящего и прошедшего времени отличается высокой степенью системности и устойчивости. Что касается местоименных форм действительных причастий от глагольных основ совершенного вида, то они оказались непродуктивными, поскольку используемые в них суффиксы настоящего времени резко противоречили семантике совершенного вида при выражении действия, предшествующего действию глагольного сказуемого, они не могли конкурировать с более приспособленными для этой роли причастиями прошедшего времени совершенного вида. В случае обозначения действия, которое должно осуществляться после момента речи, т.е. будущего, они испытывали сильнейшее системное давление со стороны личных форм глагола в придаточных определительных предложениях. Поэтому попытки их внедрения в систему причастий оказались безуспешными. В значительной мере данный факт обусловлен тем, что в причастиях в отличие от деепричастий категория вида не смогла вытеснить категорию времени. Таким образом, в современном русском языке спрягаемые формы глагола будущего времени вступают в оппозицию не только с соответствующими глагольными формами настоящего и прошедшего времени, но и с формами причастий настоящего и прошедшего времени, именно они компенсируют в русском языке отсутствие форм причастий будущего времени.

Трансформационный метод применялся с целью доказательства семантической идентичности форм причастий настоящего времени от глагольных основ совершенного вида и соответствующих форм прошедшего времени: *возлож*_а=*возложивъ*, *встав*_я=*вставивъ*, *обидя*_{ца}_о=*обидевшаго*. Так, в конструкции Глѣбъ же *возма* топоръ под skutом, *приде* к волхву и рече ему... (ПЛДР. Вып. 1. С. 194) именное причастие настоящего времени действительного залога *возма* без какого-

либо ущерба для его содержания может быть заменено соответствующим причастием прошедшего времени *взявъ*, поскольку оба выражают семантику совершенного вида. Подобное явление обусловлено тем, что в именных действительных причастиях (деепричастиях) в отличие от причастий категория времени оказалась полностью вытесненной категорией вида. В конструкции «...а что буде окажется в их губернии какой подозрительный человек, не *предъявляющий* никаких свидетельств и паспортов, то задержать его немедленно» (Н.В. Гоголь «Мертвые души») причастный оборот не *предъявляющий* никаких свидетельств и паспортов с причастием настоящего времени от глагольной основы совершенного вида *предъявляющий* также без какого-либо искажения содержащейся в нем информации может быть заменен придаточным определительным предложением со спрягаемой формой глагола будущего времени: ...а что буде окажется в их губернии какой подозрительный человек, *который не предъявит никаких свидетельств и паспортов*, то задержать его немедленно.

Цель контекстуального анализа заключалась в выявлении временного значения местоименных и именных действительных причастий настоящего времени от глагольных основ совершенного вида и соответствующих форм прошедшего времени, поскольку в истории языка вне синтаксического окружения их грамматическое (временное) значение не может быть однозначно установлено. Местоименные действительные причастия от глагольных основ совершенного вида, не соответствующие языковой норме, в современном языке выражают значение абсолютного будущего времени. Однако в истории русского языка они могли подобно соответствующим причастиям настоящего и прошедшего времени выражать и относительное временное значение, что позволяет установить контекст. Так, в предложении Моисей же убивъ еюптянина, обидящаго (=обидевшаго) еврѣянина, бѣжа изъ Еюпта (ПЛДР. Вып. 1. С. 108) причастие настоящего времени от глагольной основы совершенного вида *обидящаго* обозначает действие, предшествующее действию глагольного сказуемого, функционально тождественно соответствующему причастию прошедшего времени и может быть им заменено без искажения смысла высказывания. Значение будущего времени указанного причастия полностью исключается контекстом: *Моисей убил египтянина после того, как египтянин обидел еврея*. При рассмотрении указанного причастия как выражающего будущее время получается бессмыслица. Метод контекстуального анализа использовался также при определении временного значения именных действительных причастий настоящего времени от глагольных основ совершенного вида, обозначающих не предшествующее действие подобно соответствующим образованиям прошедшего времени, а одновременное с действием глагола-сказуемого.

Так, в предложении *Целую вы, к себѣ приложивши, плачющи и обლობызающи* (ПЛДР. Вып. 11. С. 453) причастие *обლობызающи*, образованное от глагола совершенного вида *обლობызати*, обозначает действие, одновременное с действием главного сказуемого, поскольку является однородным с причастием настоящего времени несовершенного вида *плачющи*, характеризующимся семантикой одновременности. Данный факт свидетельствует о том, что до определенного периода истории русского языка указанные редкие формы причастий еще не были вовлечены в сферу действия категории вида.

Посредством метода синхронного среза восстанавливалось прошлое состояние системы действительных причастий не в виде суммы изолированных причастных форм, а именно как системы, что позволило выделить с использованием статистического анализа продуктивные и непродуктивные причастные образования. Применение указанного метода позволило установить, что с начала письменной традиции именные действительные причастия настоящего времени от глагольных основ совершенного вида подобно соответствующим причастиям прошедшего времени обычно обозначали действие, предшествующее действию главного сказуемого. Однако в древнерусских текстах до XV в. они встречались единично, поскольку еще не были окончательно вовлечены в категорию вида. Данный факт отчетливо указывает на то, что до XV в. причастная система еще не подверглась глобальному воздействию со стороны категории вида и находилась в сфере действия только категории времени. В период с XVI по XVII в. именные действительные причастия полностью включились в видовые противопоставления, утратив прежние временные значения, о чем свидетельствует высокая частотность употребления в указанный период именных действительных причастий от глагольных основ совершенного вида со значением предшествования.

Таким образом, метод синхронного среза дал возможность проследить динамику распространения на русскую систему действительных причастий категории вида, в результате чего сложилась система, в которой именные действительные причастия, перешедшие в разряд деепричастий от глагольных основ совершенного вида, стали обычно выражать значение предшествования глагольному действию, а деепричастия от глагольных основ настоящего времени – одновременность. Что касается полных форм именных действительных причастий от глагольных основ совершенного вида, то они в истории русского языка использовались единично и выражали идею будущего.

Исследование и результаты

В отличие от современного русского языка, в котором действительные причастия имеют только местоименные формы, в древнерусском языке указанные причастия имели и именные формы, перешедшие

в процессе своего функционирования в разряд деепричастий. В связи с вышеизложенным считаем необходимым рассмотреть не только местоименных, но и именных форм причастий от глагольных основ совершенного вида.

Причастия действительного залога обозначают действенный признак предмета, который сам производит этот признак. Полные формы действительных причастий в древнерусском языке использовались в десятки раз реже кратких. Они были маркированы по негативному признаку непредикативности и выполняли исключительно атрибутивную функцию. Краткие формы в отношении указанного признака были немаркированы [4]. Они в основном выступали в роли предиката, однако не чужда им была также и функция атрибута.

В исследованных материалах начиная уже с древнейшего периода встречаются причастия настоящего времени от глагольных основ совершенного вида. Значение абсолютного будущего времени они выражали лишь в редчайших случаях, выступая в синтаксической роли единственного сказуемого в составе придаточного предложения: «...А о наших *не бысть кто и вѣсть принеса*» (ПЛДР. Вып. 2. С. 368); «...и *нѣсть кто помилуя их*» (ПЛДР. Вып. 7. С. 66). Обычно же подобно причастиям прошедшего времени они обозначают действие, предшествующее действию глагольного сказуемого (относительно временного значения указанных причастий в старославянском языке мнения расходятся, на что указывают многие исследователи: [5. С. 378–379; 6. С. 260; 7. С. 20; 8. С. 90; 9; 10. С. 262; 11. С. 77–79; 12. С. 818]).

В текстах XI в. встретилось всего семь употреблений таких причастий, например: Глѣбъ же *возма* топоръ под скутом, приде к волхву и рече ему... (ПЛДР. Вып. 1. С. 194); Янъ же *оборотя* топоръ, удари и тыльемъ... (ПЛДР. Вып. 1. С. 188); ...и побѣгоша людье, *не стерпяче* ратных противленья (ПЛДР. Вып. 1. С. 230).

В. Барнет в этом примере из Лаврентьевского списка склонен усматривать значение одновременности у причастия на основании того, что в Радзивиловском и Академическом списках стоит причастие *терпяче*. Однако этого указания недостаточно. Также и в приводимом ниже примере в полипричастной конструкции анализируемое причастие, соединяясь сочинительным союзом с причастием прошедшего времени, обозначает действие, предшествующее действию глагола-сказуемого: Да и по насъ сущеи чьрноризьци, приимъше писание и *почитающе* и тако видяще мужа доблеть, въсхвалять бога... (ПЛДР. Вып. 1. С. 304); Таче въ утрѣй днь призывавъ я, нъ ту абие обличаше ихъ, нъ якоже издалеча притъчами *нагоря*, глаголааше к нимъ... (ПЛДР. Вып. 1. С. 336). В текстах XII в. отмечен всего один случай такого употребления конструкции, причем с постпозитивным причастием: Тить убо служаше,

прощения *не възма...* (ПЛДР. Вып. 2. С. 512). В материалах XIII в. зафиксировано восемь случаев употребления такого оборота, например: Данила ж *возмя* дядька передь ся изииде изъ града (ПЛДР. Вып. 3. С. 238); ...и оттуда *поима*, поиде ко Галичю... (ПЛДР. Вып. 3. С. 302); ...такоже *посадыче* его на прѣстолѣ поидете же къ Иерусалиму, въ помочь (ПЛДР. Вып. 3. С. 106); *въпустячи* (ПЛДР. Вып. 3. С. 162); *позряче* (ПЛДР. Вып. 1. С. 120); *прозря* (ПЛДР. Вып. 3. С. 92). В текстах XIV в. не встретилось ни одного бесспорного случая подобного употребления причастия. В материалах XV в. отмечено восемь примеров. Ср.: Он же те оба кладязя, *прискоча испиль* (ПЛДР. Вып. 4. С. 72); *въскрутя* (ПЛДР. Вып. 4. С. 78); *остава* (ПЛДР. Вып. 5. С. 412) и др.

В приведенных ниже примерах анализируемое причастие соединено с главным сказуемым союзом: А князь Василей да князь Дмитрей Шемяка *совокупяся*, и поидоша къ отцю своему (ПЛДР. Вып. 5. С. 412); ...а кто ся сможет, той *ударя* челом граду, и пойдет хваля бога (ПЛДР. Вып. 4. С. 482). В следующем примере главное сказуемое употреблено в форме инфинитива. Ср.: Не буди мнѣ тако, по что же *остава* ми домъ святого Спаса, да пойти во иный град (ПЛДР. Вып. 5. С. 308). Итак, причастия в форме настоящего времени совершенного вида со значением предшествования в русском языке до XV вю употреблялись единично. Вид в этот период только начинал распространяться на причастия. При чем последние были весьма устойчивы к воздействию новой категории. Причастия прошедшего времени от глаголов несовершенного вида в этот период имели широкое распространение и воздействию категории вида подвергались весьма слабо, окончательно ей не подчинились, а устранились из системы вообще. Причастия же настоящего времени до XV в. от глаголов совершенного вида избегались. И лишь XVI–XVII вв. начинается их бурная экспансия. Исследованный ход распространения категории вида на систему причастий наглядно показал различие между маркированной и немаркированной временными формами причастий. Маркированная форма прошедшего времени остается почти индифферентной к виду. Немаркированная же форма настоящего времени от глаголов совершенного вида избегается, а если все-таки образуется, то уже имеет значение совершенного вида, как и исходный глагол. Причастия в форме настоящего времени самостоятельно вообще не указывали ни на какое время, оказать сопротивление категории вида им было просто нечем. Однако до XV в. они испытывали сильнейшее системное давление со стороны маркированных причастий от глаголов несовершенного вида. Поэтому до этого времени оппозиция типа *видя* – *видѣвъ* в смысле выражения одновременности-предшествования была устойчивой. Однако в XVI в. маркированные причастия дрогнули под натиском категории вида и стали уступать место приставочным образованиям совершен-

ного вида, постепенно устраняясь из системы, а не подчиняясь ей (случаи подчинения старого временного значения новому видовому редки). Равновесие нарушилось. Старая временная оппозиция начала разрушаться. На смену ей появилась новая – видовая типа «видя – увидя, увидев».

В текстах XVI в. было зарегистрировано 69 случаев употребления причастий в форме настоящего времени от глаголов совершенного вида со значением предшествования: *возмя* (ПЛДР. Вып. 7. С. 56, 100, 116); *выкупа* (ПЛДР. Вып. 7. С. 138, 140); *возложа* (ПЛДР. Вып. 8. С. 66); *вставя* (ПЛДР. Вып. 8. С. 196); *дадуще* (ПЛДР. Вып. 7. С. 524); *догонячи* (ПЛДР. Вып. 7. С. 386); *затворяся* (ПЛДР. Вып. 8. С. 168); *затоца* (ПЛДР. Вып. 8. С. 286 и др.) и др.

В исследованных материалах XVII в. отмечено 243 случая использования указанных причастий (деепричастий). Причем если в первом томе встретилось 49 употреблений, то во 2-м томе 194! Таким образом, наиболее интенсивно анализируемые образования использовались во второй половине XVII в. В текстах засвидетельствованы следующие причастия (деепричастия): *благословя* (ПЛДР. Вып. 11. С. 372, 374, 392–393, 395); *бросясь* (ПЛДР. Вып. 11. С. 183 – 2 раза); *вздохня* (ПЛДР. Вып. 11. С. 368, 372, 407, 314); *воротяся* (ПЛДР. Вып. 11. С. 581); *взбесясь* (ПЛДР. Вып. 11. С. 393); *вскоча* (ПЛДР. Вып. 11. С. 372, 384, 509, 520); *выпрося* (ПЛДР. Вып. 11. С. 373, 182) и др.

Приведенные причастия (деепричастия) подобно причастиям прошедшего времени выражали предшествующее действие и использовались обычно в конструкциях с глаголом в форме прошедшего времени: И *посидя* немъного, я *въсталъ* (ПЛДР. Вып. 11. С. 505); И *протяся* с господьнею, *шла* к тому мѣсту (ПЛДР. Вып. 10. С. 355). Конструкции с главным сказуемым в форме глагола настоящего и будущего времени редки: И женихъ, *посадя* невѣсту в колымагу или в каптану, *садитца* на лошадь или в сани (ПЛДР. Вып. 11. С. 279); И *сотворя* погребение *пойдут* каждый восвосяи (ПЛДР. Вып. 11. С. 269). Исследуемые причастные образования не только употреблялись в таких же позициях, что и образования прошедшего времени, но и могли выступать с ними в одной полипричастной конструкции: Егда я правило каноньское *скончавъ* и домочадцовъ *благословя*, распустилъ, паки начахъ во тьмѣ без огня поклоны класть (ПЛДР. Вып. 11. С. 395); Погостя у них, и с нужду запасцу *взявъ*, лодку *починя* и парусь *скропавъ*, чрез море пошли (ПЛДР. Вып. 11. С. 374). Подобно причастиям прошедшего времени эти деепричастия могли выступать в полидеепричастной конструкции и без причастий (деепричастий) прошедшего времени: А потсокольничей, *пооправяся* и *поучиняся*, *перекрестя* лице свое, принимаетъ у начального сокольника четвертова у Терентья... (ПЛДР. Вып. 11. С. 290); И *отнустя* девицу, *сложя* ризы, *помоляся*, пошелъ в дом свой зѣло скорбен (ПЛДР.

Вып. 11. С. 356). Указанные деепричастия конкурировали с деепричастиями прошедшего времени даже в устойчивых сочетаниях: *И челомъ ударя королю всѣль на онъ корабль* (ПЛДР. Вып. 11. С. 147).

Причастные образования совершенного вида в форме настоящего времени могли заменяться причастиями прошедшего времени и наоборот в различных списках одного памятника [13. С. 525; 14. С. 115], что говорит о их функциональной тождественности. В научной литературе существует несколько объяснений причин экспансии причастий в форме настоящего времени от глаголов совершенного вида со значением предшествования в русском языке XVI–XVII вв. Так, В. Барнет объясняет это следующими доводами: 1) исчезновением в славянских *народных* языках деепричастия прошедшего времени; 2) противоречием между выражением относительных времен в деепричастных конструкциях и развивающимися синтаксическими функциями вида; 3) общей тенденцией к различению вида в пределах отдельных форм; 4) фонетическими причинами (в связи с утратой редуцированных гласных у некоторых причастий прошедшего времени на согласный и возникающей при этом омонимии с формами глагола пр. вр., ср.: *принесь: принес*) [14. С. 168]. Однако эти верные по своей сути доказательства не объясняют, почему такие деепричастия не только не одержали победу над сосуществовавшими с ними деепричастиями прошедшего времени, а к XIX в. сами почти полностью устранились из системы, уступив место последним. Главный недостаток указанных доказательств заключается в отрыве указанных причастий (деепричастий) от форм прошедшего времени несовершенного и совершенного вида.

Причастия прошедшего времени в древнерусском языке выражали предшествование суффиксами. С развитием категории вида эти причастия от глагольных основ несовершенного вида продолжали по-прежнему выражать предшествование своей формой. И лишь в очень редких случаях они утрачивали эту способность, подчиняясь категории вида. Однако даже в XVII в. большинство таких причастий продолжало обозначать предшествование; являясь маркированными, эти причастия не приспособляются к новой системе, а устраняются из нее. С причастиями прошедшего времени от глагольных основ совершенного вида дело обстоит иначе. До XV в. в них более актуальным было временное значение, чем видовое, хотя между тем и другим не было противоречия. С активным вовлечением причастий в XVI–XVII вв. в систему глагольного вида еще живое временное значение их суффикса становится избыточным (мысль эта впервые была высказана Д.Н. Кудрявским [15. С. 71] имплицитно содержится она и в 3-м пункте объяснений В. Барнета; однако ни у одного из авторов не получила дальнейшего развития) и с ними начинают конкурировать чисто видовые формы от основ настоящего

времени типа *увидя, покиня* и т.д. Это взаимодействие прекращается, видимо, лишь в конце XVIII в., когда причастия (деепричастия) прошедшего времени от глагольных основ несовершенного вида устранились из системы, а суффикс в подобных образованиях совершенного вида утратил свою актуальность. В результате большинство причастий (деепричастий) в форме настоящего времени со значением совершенного вида, использовавшиеся в XVI–XVII вв., к XIX в. выходит из употребления, а снизившие свою активность вследствие указанных выше причин в этот период причастия (деепричастия) в форме прошедшего времени совершенного вида как более традиционные и привычные восстановили свою былую степень употребительности. Случаи употребления указанных причастий из других языков приводят многие исследователи. Е. Гермелин – из старославянского [9. С. 59]; Я. Гебауэр и Д. Шкариц – из древнечешского [16. С. 59; 17. С. 18]; А.А. Потебня – из древнерусского, древнечешского и древнепольского, а также из русских и украинских диалектов [18. С. 198–203]. Составлены также обширные списки таких причастных образований, извлеченные из памятников древнерусской письменности [14. С. 153–157; 19. С. 291, 331–332].

В памятниках XVIII в. указанные причастия (деепричастия) были еще совершенно обычными. Приводятся примеры такого употребления деепричастий [20. С. 7; 21. С. 16]. Даже в литературном языке XIX в. деепричастия совершенного вида на *-а, -я* были более употребительны, чем в языке нашего столетия: у А.С. Пушкина: «*постучась*», «*увидя*», «*обидя*», «*поклонясь*», «*брося*»... и др. [22. С. 339]. Однако в XIX в. они активно вытеснялись формами на *-в, -вши*. Против их употребления выступил уже Н.И. Греч [23. С. 214–215].

Иногда подобные формы деепричастий встречаются у современных авторов. Так, В.Д. Пятницкий приводит деепричастия *оглядя, поглядя* из текстов А.И. Солженицына и характеризует их как не соответствующие современной языковой норме [2. С. 85].

Некоторые из них сохранились лишь во фразеологических оборотах. Ср.: говорить *положа* руку на сердце, сидеть *сложив* руки, бежать *сломив* голову, слушать *разиня* рот и др. [24. С. 124].

В исследованных текстах встретилось 9 примеров с причастиями в форме настоящего времени от глаголов, которые в древнерусском языке вряд ли были однозначно определены по виду: ...Китоврас же, *поидя* в люди своа, вда Соломону мужа о дву голову (ПлДР. Вып. 4. С. 72). Г.К. Ульянов считал глагол *поити* в древнерусском языке не охарактеризованным по виду [25. С. 145] (ср. также: [7. С. 146–147; 10. С. 263; 26. С. 201; 27. С. 9]; но иначе [9. С. 151]). Г.К. Ульянов в примере «*пойдучи* матери наказывал» [25. С. 216] усматривал в причастии временное значение «готовности проявления признака (пойдучи = собираюсь уходить)». С этой позиции действие глагола и причастия в приведенном

примере одновременны. Причем в нашем примере предшествование, видимо, исключено контекстом. Не мог же Китоврас пойти к своим людям от Соломона, а потом отдать ему голову. В приводимом ниже примере с постпозитивным деепричастием можно усмотреть, пожалуй, то же значение одновременности. Ср.: И какъ князь Данило поезжает на грозные побоища против татаровой и крымских людей и заказывает мнѣ *поедучи* (ПЛДР. Вып. 11. С. 124). – Князь не мог сначала поехать, а потом делать наказ. Также и в следующем примере деепричастие, видимо, обозначает действие, одновременное с действием глагола-сказуемого: Целую вы, к себѣ приложивши, плачущи и *облобызаючи* (ПЛДР. Вып. 11. С. 453). Анализируемое причастие (деепричастие) в приведенном обороте является однородным с деепричастием настоящего времени несовершенного вида. Оно обозначает способ осуществления главного действия. А способ осуществления действия и само действие не могут быть разделены во времени. То, что это деепричастие в русском языке до XVII в. включительно было несовершенного вида, хорошо подтверждается его употреблением в составном сказуемом при фазисных глаголах, при которых не могут никогда употребляться формы совершенного вида, поскольку фазисность, указывающая на один из этапов процесса, несовместима с перфективностью. Ср.: ...и не *престах* *облобызаючи* чень сию, поминаючи Павловы юзы (ПЛДР. Вып. 11. С. 480); Блаженная же падает на землю, плачущи горко и руцѣ матери не *преста* *облобызаючи* устнами, а смываючи слезами (ПЛДР. Вып. 11. С. 483).

В приведенном ниже примере постпозитивное причастие также обозначает действие, одновременное с главным сказуемым: Князь Василей Юрьевич собрал силу велику и поиде с Костромы на князя, *похваляся* съ многими силами (ПЛДР. Вып. 5. С. 416). – Пошел, хвалясь. Аще оставлю от служащихъ ми рабѣ, то *свѣдуще* мою кротость, потеряють благая моя (ПЛДР. Вып. 2. С. 292). В приведенном обороте причастие имеет значение одновременности с главным сказуемым, поскольку рабы уже знают характер своего господина и, следовательно, будут знать его в будущем. И сняшася с ними стрѣлци, и бишася 3 дни стрѣлци, а копя ся не снимали, а дружины ожидаючи, а к воде не *дадуче* имъ ити (ПЛДР. Вып. 2. С. 368). В этом примере анализируемое причастие является однородным с причастием несовершенного вида *ожидаючи* и тоже обозначает действие, одновременное с действием глагольного сказуемого [14. С. 108].

Итак, именные причастия в форме настоящего времени от глаголов совершенного вида последовательно обозначали в русском языке подобно причастиям прошедшего времени действия, предшествующие действиям глаголов-сказуемых, и только в единичных случаях подобные образования от некоторых глаголов, еще не охарактеризованных в отношении вида, могли обозначать действия, одновременные с действиями глаголов-сказуемых.

Во все периоды истории языка и краткие, и полные причастия настоящего времени образовывались от глагола несовершенного вида. Однако полные формы так же, как и краткие (но значительно реже), могли производиться и от глагольных основ совершенного вида. В наших материалах отмечено 14 таких образований. В отличие от соответствующих кратких причастий, совпадающих по своему временному значению с причастиями прошедшего времени, исследуемые здесь образования «определяют существительные по признаку, связанному с последующим действием» [19. С. 290]: На *придущее* лѣто вложи богъ мысль добру в русьские князи (ПЛДР. Вып. 1. С. 268); То же слышавши она отъиде, чаючи въ *придущий* днь видѣти и (ПЛДР. Вып. 1. С. 320); ...и въ *придущее* лѣто то же приготавлише (ПЛДР. Вып. 2. С. 554); О иноче, такова суть добра и услажденна – мощи веселити *прочитающаго* разума (ПЛДР. Вып. 5. С. 518).

В приводимых ниже примерах причастия в форме настоящего времени от глаголов совершенного вида обозначают не последующее, а предшествующее действие, т.е. совпадают по своему значению с соответствующими краткими причастиями: ...покаяние Давыдово приимъ, плачяся о грѣсах своих, возлюбивъ нетленная паче тлѣнных и небесная паче временных, и царство со святыми у вседержителя бога паче притекающаго (=притекшаго) сего царства земнаго (ПЛДР. Вып. 3. С. 410); Моисей же убивъ еюптянина, обидящаго (=обидевшаго) еврѣянина, бѣжа изъ Еюпта (ПЛДР. Вып. 1. С. 108).

Изредка анализируемые формы встречаются в субстантивированном виде: ...стужаю *прочитающим* списания сия (ПЛДР. Вып. 6. С. 482); Аз же слышахъ от многихъ сие и написахъ ползы ради *прочитающимъ* (ПЛДР. Вып. 6. С. 66); ...и возмут цѣну его *купащии* (ПЛДР. Вып. 1. С. 150); Суди, господи, *обидящия* ми (ПЛДР. Вып. 7. С. 442). Все такие формы выражают идею будущего.

В современном русском языке причастия действительного залога в форме настоящего времени не употребляются. Однако некоторые писатели XIX в., отталкиваясь от письменности предшествующей эпохи [28. С. 110, 378], пытались ввести в употребление подобные образования, имеющие значение будущего времени: «...а что буде окажется в их губернии какой подозрительный человек, не *предъявляющий* никаких свидетельств и пашпортов, то задержать его немедленно (Н.В. Гоголь «Мертвые души»); «...на известную вершину, с которой можно начать здание, *полетающее* к небесам» (К. Аксаков. Русская старина. 1890. Т. II. С. 407). Редчайшие случаи употребления таких причастий в языке XIX в. приводят различные исследователи [29. С. 166; 30. С. 224–225; 31. С. 194–195; 32. С. 569].

Использование таких образований в русском языке В.В. Виноградов справедливо объяснял «прямолинейным логическим параллелизмом

между употреблением причастных конструкций и употреблением личных форм глагола в относительных предложениях» [30. С. 224]. Однако линия развития видовременной системы причастий совершенно иная, нежели у личных форм. В отличие от последних они нацелены на выражение не абсолютного, а относительного временного значения. Этого в свое время не понял Д.Н. Кудрявский, писавший: «В настоящее время в русском языке, по-видимому, создается категория причастия будущего времени (совершенного вида); в языке оно уже нередко встречается, например: Неумолима глубина // Под вами *вскроющейся* бездны» [33. С. 95].

Таким образом, причастия будущего времени в современном русском языке не представляют собой нового явления. Они единично употреблялись в прошлом и единично используются в настоящее время, оставаясь за границами литературного употребления.

Заключение

Редкое употребление ненормативных форм деепричастий совершенного вида на -а, -я в современном русском языке исторически связано с вытеснением у данного класса слов категории времени категорией вида, что привело к их редчайшим случаям употребления в XI–XV вв. и к экспансии в XVI–XVII вв., особенно во второй половине XVII в. Снижение активности их употребления в последующем было связано со стремлением к возврату традиционных форм деепричастий с суффиксами -в, -вши, уже утративших былое временное значение и имеющих лишь видовое. Относительно частое их употребление в XVIII в. и даже начале XIX в. является причиной их редкого использования в современном русском языке. Лишь незначительная часть подобных форм является нормативной в настоящее время. Причем они употребляются в качестве вариантов с деепричастиями на -в, -вши (наклоня – наклонив).

Местоименные формы действительных причастий настоящего времени от глагольных основ совершенного вида во все периоды истории русского языка употреблялись единично. Так же единично они встречаются в современной письменной речи, представляя собой отклонение от существующей языковой нормы и не являясь какой-либо новой тенденцией. Тот факт, что они не получили развития в русском языке, объясняется рядом причин: в выражении временного значения они были ориентированы на относительное время, вследствие чего их временное значение в определенных случаях совпадало со значением причастия прошедшего времени; суффиксы причастий настоящего времени плохо совмещались с основой совершенного вида; исторически сложилось так, что для выражения будущего времени предпочитались спрягаемые формы глагола в придаточном предложении, а не причастные конструкции.

Таким образом, как следует из приведенных наблюдений, редкое употребление местоименных причастий действительного залога от глагольных основ совершенного вида со значением будущего времени в современной русской речи отнюдь не свидетельствует о тенденции к заполнению «временной лакуны причастий» и о востребованности в качестве средства «сворачивания» текста.

Источники примеров

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси. Составление и общая редакция: Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев. М. : Художественная литература. Вып. 1. 1978. 463 с.; вып. 2. 1980. 704 с.; вып. 3. 1981. 616 с.; вып. 4. 1981. 606 с.; вып. 5. 1982. 688 с.; вып. 6. 1984. 708 с.; вып. 7. 1985. 624 с.; вып. 8. 1986. 640 с.; вып. 10. 1988. 704 с.; вып. 11. 1989. 704 с.

Список источников

1. **Колесников Н.П.** И вновь о языковых стразах // Русская речь. 2005. № 5. С. 123–126.
2. **Пятницкий В.Д.** Аномалии современной речи в употреблении глагольных форм и словосочетаний // Русский язык в школе. 2001. № 4. С. 83–86.
3. **Петрова Н.Е.** Нестандартные формы причастий как проявление динамизма языковой системы // Русский язык в школе. 2008. № 4. С. 77–82.
4. **Růžička R.** Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhaeltnis zum Griechischen. Berlin : Akademie-Verlag-Berlin, 1963. 395 S.
5. **Вайан А.** Руководство по старославянскому языку. М. : Иностранная литература, 1952. 446 с.
6. **Соболевский А.И.** Лекции по истории русского языка. М., 1907. 306 с.
7. **Budich W.** Aspekt und verbale Zeitlichkeit in der 1. Novgoroden Chronic. Graz, Austria, 1969. 288 S.
8. **Dostal A.** Studie o vidovem sustemu v staroslovenstině // Z prazi Staroslovenského ustavu Ceskoslovenske akad. věd. Praha, 1954. 683 S.
9. **Hermelin E.** Ueber den Gebrauch der Praesenspartizipien von perfektiven Verben im Altkirchenslavischen. Uppsala, 1935. 155 S.
10. **Koschmieder E.** Der Einfluss des Aspekts auf den Formenbestand des polnischen Verbuns // Archiv fuer Slavische Philologie. 1927. S. 262–295.
11. **Meillet A.** Études sur l' étimologie et le vocabulaire du vieux slave. 1 partie. Paris, 1902. 511 p.
12. **Miklošich F.** Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen von Franz Miklošich. 4 Band. Syntax. Wien, 1883. 895 S.
13. **Sedláček I.** K otázce slovenských partizipii praes. act. a praet. act. 1 // Slavia 23. Praha, 1954. S. 509–526.
14. **Barnet V.** Vývoj systému participií aktivních v ruštině. Universita Karlova. Praha, 1965. 191 S.
15. **Кудрявский Д.Н.** К истории русских деепричастий. Деепричастия прошедшего времени // Ученые записки Юрьевского университета. 1916. Т. 10. С. 1–79.
16. **Gebauer I.** Historická mluvnické jazyka českého. Díl. 4. Praha, 1929. 763 S.
17. **Skarič Dj.** Tvorba i poraba partizipia /gerundija/ presenta aktiva i preterita aktiva 1 u čakovskoj knjižnosti XV i XVI vijeka // Nastavni vijesnik. 1902. № 10. S. 1–32.
18. **Потебня А.А.** Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. Т. I–II. 536 с.
19. **Кузьмина И.Б., Немченко Е.В.** История причастий // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М. : Наука, 1982. С. 280–411.

20. *Самарина Г.Н.* Деепричастные конструкции в русской прозе 2-ой половины XVIII в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1962. 14 с.
21. *Приходько В.А.* Формы и категории глагола в произведениях А.Д. Кантемира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953. 18 с.
22. *Дурново Н.Н.* Очерки истории русского языка. М.; Л. : Государственное издательство, 1924. 376 с.
23. *Греч Н.И.* Практическая русская грамматика. СПб., 1834. 526 с.
24. *Иванов В.В., Потиха З.А.* Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе. М. : Просвещение, 1978. 159 с.
25. *Ульянов Г.* Значения глагольных основ в литовско-славянском языке. Варшава, 1895. Ч. II. 341 с.
26. *Силина В.Е.* История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М. : Наука, 1982. С. 159–279.
27. *Nětes I.* K otázce staroslovenských partizipii praes. act. sloves dokonavých // *Slavia* 26. Praha, 1957. S. 1–12.
28. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. М. : Учпедгиз, 1959. 623 с.
29. *Булаховский Л.А.* Русский литературный язык первой половины XIX в. М. : Учпедгиз, 1954. 462 с.
30. *Виноградов В.В.* Русский язык. М. : Высшая школа, 1972. 614 с.
31. *Обнорский С.П.* Очерки по морфологии русского глагола. М. : Изд-во АН СССР, 1953. 252 с.
32. *Чернышев В.И.* Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Избранные труды. М., 1970. Т. 1. 570 с.
33. *Кудрявский Д.Н.* Древнерусские причастия настоящего времени действительного залога на -а // Русский филологический вестник. 1912. Кн. 4. С. 389–397.

Sources

PLDR – Pamyatniki literatury Drevnej Rusi. Sostavlenie i obshchaya redakciya: L.A. Dmitriev, D.S. Lihachev. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. Issue 1. 1978. 463 p.; Issue 2. 1980. 704 p.; Issue 3. 1981. 616 p.; Issue 4. 1981. 606 p.; Issue 5. 1982. 688 p.; Issue 7. 1985. 624 p.; Issue 8. 1986. 640 p. Issue 10. 1988. 704 p. Issue 11. 1989. 704 p.

References

1. Kolesnikov N.P. (2005) I vnov' o yazykovykh strazakh [And again about linguistic rhinestones] // *Russkaya rech'*. 5. pp. 123–126.
2. Pyatnickij V.D. (2011) Anomalii sovremennoj rechi v upotreblenii glagol'nykh form i slovosochetaniij [Anomalies of modern speech in the use of verb forms and phrases] // *Russkij yazyk v shkole*. 4. pp. 83–86.
3. Petrova N.E. (2008) Nestandartnye formy prichastij kak proyavlenie dinamizma yazykovoj sistemy [Non-standard forms of participles as a manifestation of the dynamism of the language system] // *Russkij yazyk v shkole*. 4. pp. 77–82.
4. Růžicka R. (1963) Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhaeltnis zum Griechischen. Berlin: Akademie-Verlag-Berlin. 395 p.
5. Vajan A. (1952) Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku [A Guide to the Old Church Slavonic language]. M.: Inostrannaya literatura. 446 p.
6. Sobolevskij A.I. (1907) Lekcii po istorii russkogo yazyka [Lectures on the history of the Russian language]. M. 306 p.
7. Budich W. (1969) Aspekt und verbale Zeitlichkeit in der 1. Novgoroden Chronic. Graz – Austria. 288 p.
8. Dostal A. (1954) Studie o vidovem sustemu v staroslovenstiné // *Z prazi Staroslovenského ustavu Ceskoslovenske akad. věd*. Praha. 683 p.

9. Hermelin E. (1935) Ueber den Gebrauch der Praesenspartizipien von perfektiven Verben im Altkirchenslavischen. Uppsala. 155 p.
10. Koschmieder E. (1927) Der Einfluss des Aspekts auf den Formenbestand des polnischen Verbuns // *Archiv fuer Slavische Philologie*. pp. 262–295.
11. Meillet A. (1902) Études sur l' étimologie et le vocabulaire du vieux slave. I partie. Paris. 511 p.
12. Miklošich F. (1883) Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen von Franz Miklošich. 4 Band. Syntax. Wien. 895 p.
13. Sedláček I. (1954) K otázce slovenských partizipii praes. act. a praet. act. 1 // *Slavia* 23. Praha. pp. 509–526.
14. Barnet V. (1965) Vývoj systému participií aktivních v ruštině. Universita Karlova. Praha. 191 p.
15. Kudryavskij D.N. (1916) K istorii russkikh deeprichastij. Deeprichastiya proshedshego vremeni [On the history of Russian adverbial participles. Past participles] // *Uchenye zapiski Yur'evskogo universiteta*. 10. pp. 1–79.
16. Gebauer I. (1929) Historická mluvnické jazyka českého . Dil. 4. Praha. 763 p.
17. Skarić D. (1902) Tvorba i poraba partizipia /gerundija/ presenta aktiva i preterita aktiva 1 u čakovskoj knižnosti XV i XVI vijeka // *Nastavni vijesnik* 10. pp. 1–32.
18. Potebnaya A.A. (1958) Iz zapisok po russoj grammatike [From the notes on Russian grammar]. M.: Uchpedgiz. Vol. I&2. 536 p.
19. Kuz'mina I.B., Nemchenko E.V. (1982) Istoriya prichastij [History of participles] // *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya. Glagol*. M.: Nauka. pp. 280–411.
20. Samarina G.N. (1962) Deeprichastnye konstrukcii v russoj proze 2-oj poloviny XVIII v. [Adverbial participial constructions in Russian prose of the second half of the 18th century]. Abstract of Philology cand. dis. Krasnoyarsk. 14 p.
21. Prikhod'ko V.A. (1953) Formy i kategorii glagola v proizvedeniyakh A.D. Kantemira [Verb forms and categories in the works of Kantemir]. Abstract of Philology cand. dis. L. 18 p.
22. Durnovo N.N. (1924) Ocherki istorii russkogo yazyka [Essays on the history of the Russian language]. M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 376 p.
23. Grech N.I. (1834) Prakticheskaya russkaya grammatika [Practical Russian grammar]. SPb. 526 p.
24. Ivanov V.V., Potikha Z.A. (1978) Istoricheskij kommentarij k zanyatiyam po ruskomu yazyku v srednej shkole [Historical commentary on Russian language classes in secondary school]. M.: Prosveshchenie. 159 p.
25. Ul'yanov G. (1895) Znacheniya glagol'nykh osnov v litovsko-slavyanskom yazyke [Meanings of verb stems in the Lithuanian-Slavic language]. Varshava. Part 2. pp. 341 p.
26. Silina V.E. (1982) Istoriya kategorii glagol'nogo vida [History of the category of verb aspect] // *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya. Glagol*. M.: Nauka. pp. 159–279.
27. Nêmec I. (1957) K otázce staroslovenských partizipii praes. act. sloves dokonavých // *Slavia* 26. Praha. pp. 1–12.
28. Buslaev F.I. (1959) Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of the Russian language]. M.: Uchpedgiz. 623 p.
29. Bulahovskij L.A. (1954) Russkij literaturnyj yazyk pervoj poloviny XIX v [Russian literary language of the first half of the 19th century]. M.: Uchpedgiz. 462 p.
30. Vinogradov V.V. (1972) Russkij yazyk [The Russian language]. M.: Vysshaya shkola. 614 p.
31. Obnorskij S.P. (1953) Ocherki po morfologii russkogo glagola [Essays on the morphology of the Russian verb]. M.: Izd-vo AN SSSR. 252 p.
32. Chernyshev V.I. (1970) Pravil'nost' i chistota russoj rechi [Correctness and purity of Russian speech. Experience of Russian stylistic grammar] // *Opyt russoj stilisticheskoy grammatiki. Izbrannye trudy*. M. 570 p.

33. Kudryavskij D.N. (1912) Drevnerusskie prichastiya nastoyashchego vremeni dejstvitel'nogo zaloga na –a [Old Russian present participles of the active voice ending in -a] // Russkij filologicheskij vestnik. 4. pp. 389–397.

Информация об авторе:

Кунавин Б.В. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Северо-Осетинский государственный университет (Владикавказ, Россия). E-mail: vladraikun@mail.ru; ORCID iD: 0000-0002-3951-0775

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kunavin B.V., D.Sc. (Philology), Professor of the Russian Language Department, North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia). E-mail: vladraikun@mail.ru; ORCID iD: 0000-0002-3951-0775

The author declares no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 16.01.2025; принята к публикации 31.01.2026

Received 16.01.2025; accepted for publication 31.01.2026